
Глава VIII

СНОВА НА УКРАИНЕ: 1944—1949

Семнадцать тысяч городов и поселков разрушены, семьдесят тысяч деревень и хуторов выжжены, тридцать две тысячи заводов и фабрик взорваны или приведены в нерабочее состояние, тысячи километров железнодорожных путей уничтожены, сто тысяч колхозов и совхозов опустели — таков был страшный итог войны, в результате которой, как доложил Сталину в январе 1946 года ведущий правительственный экономист Николай Вознесенский, СССР лишился 30 % своего национального богатства¹.

Потери Украины, если рассматривать их в сравнении с исходными данными, были еще ужаснее: погребено от трех до пяти миллионов человек, то есть одна шестая населения; еще 2,3 миллиона угнаны на работы в Германию; более семисот городов и двадцать восемь тысяч деревень лежали в руинах; полностью или частично разрушены шестнадцать тысяч предприятий и двадцать восемь тысяч колхозов; погребено 40 % национального богатства республики².

Но и эта ужасающая статистика не в полной мере отражает горе и страдания разоренной страны. Не отражается в ней и надежда советских людей — надежда на то, что понесенные жертвы не будут напрасны, что победа в войне, прогремевшей над страной, как писал Борис Пастернак, «очистительной бурей», принесет с собой свободу³.

Надеялся на перемены и Хрущев. Разумеется, его мечты не включали в себя либерализацию или вестернизацию: в его обязанности входило восстанавливать на Украине партийную власть, поднимать из руин ненавистные многим крестьянам колхозы, бороться с вооруженными бандами националистов в Западном крае. Однако и он страшился возвращения к «эксцессам» предвоенного периода, к голоду на-

чала тридцатых, к преследованиям украинских интеллектуалов, которым он по мере возможности покровительствовал.

Хрущев по-своему любил Украину и украинский народ и полагал, что и украинцы относились к нему «по-доброму»⁴. Он видел страдания украинцев во время войны и готов был трудиться не покладая рук, чтобы помочь им вернуться к мирной жизни. Конечно, его украинский «патриотизм» был ограничен советским интернационализмом — однако вполне реален. И тот же Хрущев, что вел непримиримую борьбу с националистами Западной Украины, порой готов был спорить со Сталиным, отстаивая интересы украинцев. Послевоенный голод на Украине не был его виной; именно из-за своей позиции по этому вопросу Хрущев лишился поста украинского лидера.

Послевоенное время на Украине сочетало в себе трагедию и фарс. На Западной Украине шла гражданская война, в которой обе стороны проявляли невыносимую жестокость, а чиновники, страшившиеся за свою жизнь, — чудеса изворотливости. В 1946 году в деревне разразился голод, порой доводивший людей до людоедства; в это же самое время вновь было обращено внимание на роль Хрущева в провалившемся харьковском контрнаступлении 1942 года. Победу в войне Сталин относил прежде всего на счет русского народа. «Всякий другой народ, — заявил он в своем победном тосте в мае 1945 года, — сказал бы правительству: вы не исполнили наших ожиданий, убирайтесь вон, заключайте мир с Германией и оставьте нас в покое»⁵. Целые народы, обвиненные в сотрудничестве с нацистами — крымские татары, чеченцы, ингуши, калмыки и балкарцы, — были депортированы. «Если украинцы избежали этой участи, — говорил Хрущев в своем секретном выступлении 1956 года, — то только потому, что их слишком много — высылать некуда. А то бы он и их выслал»⁶.

В сюрреалистической действительности, характерной для послевоенной Украины, немалую роль играли личные качества Хрущева. Шла ли речь о борьбе с бандами националистов или о коллективизации крестьянских хозяйств Западной Украины — он неизменно обещал куда больше, чем мог выполнить, а когда невыполненные обещания угрожали его самооценке и служебному положению, сваливал вину на подчиненных и утешался поощрением абсурдного культа собственной личности.

В начале 1947 года Сталин сместил Хрущева с поста первого секретаря компартии Украины (хотя разрешил остаться главой украинского правительства) и прислал ему на за-

мену Кагановича. Вскоре Хрущев совершенно исчез из публичной жизни: он тяжело заболел, едва не умер. И вдруг — настоящее чудо! Осенью 1947 года к Хрущеву вернулись и прежнее здоровье, и прежний пост. Более того: 1948 и 1949 годы, едва ли не худшие в советской истории, стали лучшим временем в карьере Хрущева.

Освободив в июле 1944 года Львов, Советская Армия вскоре достигла границы, проложенной в 1939-м в результате договора Сталина с Гитлером, и двинулась дальше — на Германию, на Берлин. Однако для новой границы, включавшей в себя Западную Украину, Советскому Союзу предстояло еще отстаивать право на существование в глазах окружающего мира.

В конце 1944 года главной задачей Хрущева было восстановление разрушенного украинского хозяйства. При этом он не мог противиться соблазну своеобразного «военного туризма». Когда Киев посетил Микоян, Хрущев возил его по полям недавних сражений. Да и сам он то и дело появлялся вблизи линии фронта, «побыть с военными товарищами, послушать их, посмотреть на немецкую землю... взглянуть в глаза немцам, прочесть на их лицах... каково им отведывать войны, которую навязал нам Гитлер»⁷. Даже находясь в Киеве, он постоянно следил за военными действиями с помощью телефонной связи. Однажды ему позвонил Жуков и радостно объявил: «Скоро я Гитлера в клетку посажу и привезу тебе. Когда буду его доставлять в Москву, то пошлю через Киев, чтобы ты тоже на него посмотрел»⁸.

После освобождения Западной Украины летом 1944 года 750 тысяч человек были призваны в армию. Все мужчины от девятнадцати до пятидесяти, невзирая на состояние здоровья, после всего лишь восьмидневного обучения встали под ружье и отправились в бой. По уверениям Хрущева, «военнообязанные из освобожденных областей понимали свой долг, их не надо было просить присоединиться к Советской Армии...». Однако многие сопротивлялись призыву или дезертировали при первой возможности, пополняя собой ряды партизан-националистов, развернувших настоящую войну против советизации Украины⁹.

Восстанавливать украинскую экономику остались — за исключением шахтеров, инженеров и квалифицированных рабочих, освобожденных от призыва, — «старики, инвалиды и непригодные к военной службе, главным образом женщины». Хрущев уверял, что все они «шли туда охотно. Объяс-

нение тому двоякое: с одной стороны, большую роль играли патриотизм и агитация Коммунистической партии...». По следующей же его фразе мы понимаем, что реальная картина была далеко не идиллической: оказывается, к работе на заводах и фабриках людей привлекало и то, что «в восточноукраинских промышленных районах снабжение было все-таки как-то организовано: например, питание населения было лучшим, чем в других районах Украины»¹⁰.

Уже в 1943 году Хрущев вновь занял пост первого секретаря компартии Украины, а в 1944-м был назначен и главой украинского правительства — став, таким образом, единственным, кроме самого Сталина, лидером, совмещающим эти два поста.

Верно служа Сталину, Хрущев в то же время по мере сил противостоял тому, что сам предпочитал считать не существенными чертами советской системы, а лишь ошибками нижестоящих чиновников. Советские граждане, во время войны оказавшиеся на оккупированных территориях, как и советские солдаты, попавшие в плен, в глазах Сталина казались подозрительными и подлежали суровому наказанию. Хрущев утверждал, что защищал свой народ («Мы ведь всю Украину оставили, так что те, кто остался, сами имеют какое-то право нас обвинять за то, что мы ушли и оставили их»¹¹), и существуют свидетельства, подтверждающие, что это правда. На встрече специалистов по кадровой политике партии в апреле 1944 года Хрущев назвал оставшихся на оккупированной территории «нашими людьми» и призвал слушателей «не порочить» их¹². Той же весной он снова отправился к старому юзовскому другу Илье Косенко. Самого Косенко дома не оказалось; но его дочь, услышав, как помощник Хрущева шепчет ему на ухо, что Косенко пережил войну на оккупированной территории, взорвалась: «Если это плохо, зачем вы тогда к нему приехали? Он не работал на немцев: только чистил сортиры, потому что иначе его бы повесили!» Хрущев в ответ погладил ее по голове и проговорил: «Молодец, хорошая дочь — знаешь, что отца надо защищать!»¹³

В длинном письме Сталину, написанном в июле 1944 года, Хрущев рассказывает о своей встрече с бывшими советскими военнопленными. Все они, сообщает он, боялись бежать, опасаясь не только немцев, но еще более — того, что дома, как пугали их немцы, расстреляют или повесят свои же. «Надо разоблачить немецкую ложь о том, что мы арестовываем и казним пленных, — советовал Хрущев. — Надо разбросать листовки с призывами к русским, украинцам и

белорусам бежать в леса»¹⁴. Увы, бывших военнопленных *действительно* арестовывали и посылали в лагерь. Называя эту практику «немецкой ложью», Хрущев осторожно, но тем не менее решительно возражал против нее.

Намного более открыто и прямо выразился он в следующем году на пленуме ЦК компартии Украины. В Одесской области местные органы НКВД арестовали какого-то гражданского, который ходил по домам в военной форме и агитировал за выдвижение маршала Жукова в Верховный Совет. На пленуме Хрущев жестоко высмеял главу одесской парторганизации: «Нужно было просто членам партии заняться, зачем же НКВД?.. Да вы бы его вызвали, может быть, у него просто такое настроение, а может быть, психика расстроена... Что же здесь антисоветского? (*Смех в зале.*) А вы звоните в органы, которые вовсе не для этого предназначены. Неужели не понимаете, что такое поведение дискредитирует... нашу систему? Так нельзя. Мне теперь неудобно будет встречаться с Жуковым. Он непременно спросит, почему арестовали человека, который его поддерживал: может, это шутка какая, в конце концов, Одесса и все такое. Не надо путать бдительность с глупостью, вот что я вам скажу».

На том же пленуме глава пропагандистского отдела Черновецкой области пожаловался на крестьянку, осмелившуюся поинтересоваться, почему в «великой и могучей» стране нет в продаже ни соли, ни керосина, и заявил, что за такие вопросы следует примерно наказывать. «А вы бы лучше ответили ей, — прервал его Хрущев, — *когда* будут керосин и соль. Почему же вы ей не ответили? Я бы на ее месте спросил о том же самом... Вам керосин не нужен — у вас есть электричество; а им-то как без керосина?» Когда тот же чиновник назвал другого крестьянина «кулаком», Хрущев снова обрушился на него: «Кулак, значит? А вы проверили, точно ли он кулак? Знаю ведь, что не проверили — но не стесняетесь это повторять направо и налево. Наклеиваете на людей ярлыки, словно мы тут в игрушки играем»¹⁵.

Партия и правительство, возглавившие восстановление Украины, и сами нуждались в восстановлении. Их ряды были не только прорежены войной, но и опустошены предвоенным террором. В конце 1946 года, докладывал Хрущев, заняли свои места 38 % районных партсекретарей, 64 % председателей местных советов и более 60 % директоров МТС; в основном эти должности занимали чужаки, присланные из России или (на Западную Украину) из восточ-

ных областей республики. Организация работы этих новых кадров легла на Хрущева. С этой задачей он справился блестяще: на протяжении 1944 и 1945 годов он во главе команды чиновников ездил по Украине из одной области в другую. Свой пятидесятилетний юбилей Хрущев отпраздновал в Сталино — как из сентиментальных соображений, так и ради того значения, которое имел для жизни Украины донбасский уголь. Он спустился в шахту, где работал мальчишкой: на кадрах кинохроники мы видим его в рабочей одежде шахтера, с фонариком на каске и широкой улыбкой на лице. Бывшим землякам, жаловавшимся на недостаток продовольствия, Хрущев посоветовал разводить кроликов, ловить рыбу и расширять свои садовые участки. Когда местные руководители выразили сомнение в действенности таких советов, Хрущев указал на близлежащую заболоченную лужайку: «Видите эту балку? Вода без всякой пользы течет из шахты в степь. А ведь раньше тут выращивали отличную капусту!»¹⁶

Посетил он в 1944-м и Петрово-Марьинский район, где в 1925—1926 годах был секретарем райкома. Районный центр лежал в руинах, но местные власти бросили все силы на открытие фабрик и заводов. Хрущев поправил их: «Сначала надо накормить людей, дать им воду, а потом уже работать на заводах». Первый секретарь райкома Глухов ездил по району на сломанной телеге, Хрущев прислал ему из Киева автомобиль. «Можете себе представить, — восторгался Глухов несколько десятков лет спустя, — сам, лично позаботился выслать автомобиль, хотя я об этом не просил!»¹⁷

Побывал Хрущев и в Калиновке — но лишь после упрёка, полученного от Сталина. По воспоминаниям помощника Хрущева Андрея Шевченко, Сталин однажды шуточно спросил Хрущева, откуда он родом.

— Из Калиновки, — ответил Хрущев.

— Где это? — спросил Сталин.

— В Курской области, — ответил Хрущев.

— И когда вы последний раз там были?

— Да уж довольно давно, — признался Хрущев.

— Что ж, — заметил Сталин, — это вам чести не делает¹⁸.

Из приблизительно 800 человек, ушедших на фронт из Калиновки, вернулись только 276. Не осталось ни тяглогового скота, ни электричества, ни сельскохозяйственных машин. «Приходилось лучины жечь, — вспоминал сорок пять лет спустя один из деревенских жителей. — Днем сдирали лыко с лип, а вечерами при лучине плели лапти. Так и жили».

«Мы пахали на коровах, а он приехал прямо к нам в поле, — рассказывает другая деревенская жительница. —

Подъехал и заговорил с нами. Хотели мы его встретить, как полагается, — а встретить-то и нечем. Помню, как ходили к Федосье Лаврентьевне спрашивали, не найдется ли у нее чего. А кончилось тем, что Никита Сергеевич сам стал нас угощать — дынями, жареными курами и горячим чаем».

«Когда он приехал, мы перед избой просеивали зерно, — вторит ей другой старик. — Бабушка моя встала с табурета и говорит: “Садись, ты ведь у нас теперь царь”. А он в ответ: “Да нет, я только царевич”»¹⁹.

Шевченко, сопровождавший Хрущева в этой поездке, рассказывает, что крестьянам отчаянно не хватало лошадей. По просьбе Хрущева его старый друг генерал Гречко прислал в деревню пятьдесят крупных тягловых лошадей из Германии, которым требовался обильный корм. Вернувшись на следующий год, Хрущев обнаружил, что лошади умирают от голода. «Все, что у нас было, уходило им на прокорм», — объяснили крестьяне.

— А вы чего хотели, — взорвался Хрущев, — чтобы они святым духом питались?! Я вам прислал лошадей — а вы их голодом заморили!

Рассерженный и раздосадованный, он приказал Шевченко подыскать для Калиновки нового председателя колхоза — поумнее и пообразованнее. Несколько кандидатур были признаны неподходящими, однако после долгих поисков, сопряженных с разными приключениями (например, ночлегом в крестьянской избе, где ночью одного из кандидатов схватил за волосы и начал их жевать теленок), Шевченко нашел подходящего человека. Хрущев продолжал помогать односельчанам, однако все его усилия разбивались об «отсталое» мышление деревенских жителей, с которым он столь долго и безрезультатно боролся. Когда двоюродная сестра, жившая в Калиновке, попросила его помочь в постройке нового дома, Хрущев выложил пятьсот рублей — свою зарплату на должности депутата Верховного Совета; Шевченко пришлось объяснить ему, что дом в деревне стоит намного больше. Хрущев предложил женщине квартиру в доме городского типа; та вместо благодарности поинтересовалась, где ей держать поросенка и где у нее будет огород. Хрущев заверял, что колхоз предоставит ей все необходимое, но она отказалась.

Хрущев был в ярости. «Вы не понимаете психологии крестьянина», — пытался объяснить ему Шевченко. «Ну вас к черту! — рычал в ответ Хрущев. — Какой огород, какое хозяйство?! Ленин нас учил, Ленин завещал: никакого личного хозяйства, а вы идейно и физически в нем погрязли и никак не выберетесь»²⁰.

Верный (в меру своего понимания) марксист, Хрущев стремился стереть грань между городом и деревней — добиться того, чтобы и там, и там жизнь была одинаково хороша. В 1944—1945 годах эта утопия была вовсе не достижима, но Хрущев не забывал о ней. Он мечтал окружить Киев цветущими садами. «Хотел вспахать и засеять миллион гектаров между Днпром и Ирпенем, — вспоминает Шевченко. — Собирался выращивать там для Киева овощи, в первую очередь типично украинские — огромные тыквы и ранний редис. Предлагал создать по образцу газопровода “молокопровод” — подземные трубы, по которым будет доставляться в город молоко от пятисот тысяч коров. Молоко будет поступать на раздаточные базы, а оттуда — свежее, парное — доставляться прямо в сверкающие новые магазины. Хрущев собрал комиссию и приказал ей подсчитать, сколько для этого потребуется труб, дорог и новых зданий. Координатором проекта назначил какую-то женщину без всяких агрономических знаний, а Сталину ничего об этом не сообщил. Однако до Сталина, очевидно, дошли слухи через Кагановича: он объявил, что этот проект — дело отдаленного будущего, и назвал Хрущева “агрономом-фантазером”»²¹.

Предавался Хрущев и другим фантазиям — об увеличении территории Украины. Район за Карпатскими горами, так называемое Закарпатье, до войны принадлежал Чехословакии. Хрущев посетил этот район инкогнито осенью 1944 года: на встречах с местными коммунистами он высказал расхожее мнение о необходимости объединения этого района с Украиной и обсудил, как это лучше сделать. Встретившись со Сталиным, он сообщил, что местное население «единодушно» присоединится к Советской Украине, и посоветовал ему в этом «помочь». В результате, как гордо заявляет в своих воспоминаниях Хрущев, «Закарпатье стало одной из областей Советской Украины». Разумеется, он не упоминает о том, что жалобы на «насильственную украинизацию» два года спустя достигли Москвы, откуда Хрущеву поступил приказ исправить ситуацию²².

Стремился Хрущев завладеть и частью польской территории — Холмской областью, которая, как он докладывал Сталину, «исторически принадлежала Украине и была частью Российского государства». Он предложил «организовать советское правительство области с тем, чтобы при удобном случае объявить, что эти районы входят в состав СССР и

Советской Украины». Зная неприязнь Сталина к украинскому национализму, Хрущев привел в защиту своего предложения геополитический резон: надо «выпрямить границу». Однако Сталин отверг предложение Хрущева, не желая включать в состав СССР несколько сотен тысяч поляков: вместо этого он приказал украинцам, жившим в Холмской области, «добровольно» покинуть Польшу и переселиться на Украину²³.

До передачи Украине Крыма (вызвавшей столько проблем после падения СССР) оставалось еще десять лет, но уже в 1944 году Хрущев попытался сделать нечто подобное. Крым нуждался в украинских крестьянах, которые заняли бы место крымских татар, высланных Сталиным. Будучи в Москве, рассказывал Хрущев год спустя украинскому коллеге, он обратился к Сталину с такими словами: «Украина в разрухе, а все из нее тянут. А вот если ей Крым отдать, тонка кишка?»²⁴

Передать Украине Крым Хрущеву не удалось, однако другие его действия были более успешны: к октябрю 1945-го производство угля на Украине достигло 40 % предвоенного уровня, а площадь возделанных земель — 71 % уровня 1941 года²⁵. Цифры выглядят не слишком впечатляюще; однако, если вспомнить о том, какое разорение принесла стране война, мы увидим, что сделано было очень много. В феврале 1945-го Хрущев был награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» I степени «за успешное выполнение плана по сельскому хозяйству на 1944 год», а в мае того же года получил орден Суворова I степени за организацию на Украине партизанского движения. В дополнение к этому его пятидесятилетие, в апреле 1944 года, было ознаменовано еще одним орденом Ленина.

С начала 1930-х годов советская пресса постоянно публиковала хвалебные телеграммы Сталину от рабочих и колхозников, пространные рассуждения о его достоинствах, фотоснимки и портреты великого человека. Примерно так же в украинской прессе 1944 года прославлялся Хрущев. В оде «Великому Сталину от народа Украины», написанной тринадцатью выдающимися украинскими поэтами и подписанной более чем девятью миллионами украинских граждан, две строфы были посвящены Хрущеву.

Больше всего ластивых восхвалений пришлось на долю Хрущева в апреле 1944 года, по случаю его пятидесятилетия: на первых страницах всех газет — огромная фотография Хрущева в военной форме и с орденами на груди, еще одна — Хрущев со своим усатым хозяином, а в дополнение к

этому — воспоминания ведущих украинских писателей и артистов. «Позволю это сказать, — запекает Максим Рыльский, — люблю личной любовью... так, как я говорю о нем в кругу друзей». Далее «наш дорогой Никита Сергеевич» оказывался «великим ленинцем», «славным сталинцем», человеком «несравненной воли, ясного ума и доброго, искреннего сердца». Особое мастерство проявил Рыльский в восхвалении тех добродетелей, которых у Хрущева не было, но которые он хотел бы приобрести. Догадываясь, что порывистый Хрущев втайне завидует сдержанности и самообладанию Сталина, Рыльский писал: этот человек никогда не торопится с ответом. «Торопливость вообще глубоко чужда ему. Он не только сам размышляет, но и заставляет размышлять своего собеседника. И часто собеседник, еще до того, как заговорит Никита Сергеевич, начинает вдруг понимать, что дело, о котором он завел речь, может быть освещено совсем по-иному»²⁶.

Поздравления сыпались со всех сторон — от рядовых коммунистов до маршала Баграмяна и заместителя Хрущева по партийной линии Коротченко²⁷. Сам именинник заявлял, что ненавидит лесть. «К юбилеям и прочим торжествам, — рассказывает его дочь Рада, — он относился очень спокойно. Мы никогда их не отмечали». По словам племянницы Нины Петровны Нины Кухарчук, «он не любил подхалимов. Не любил тратить на них время». Костенко настаивает, что «он не терпел пышных речей. Всегда держался очень просто, всегда был самим собой. Когда какой-нибудь неумный человек, вроде Шелеста [Петр Шелест стал главой КПУ после Хрущева], въезжал в город, то требовал, чтобы его встречали хлебом-солью девушки в национальных костюмах. Это просто смешно. Хрущев, прилетев куда-нибудь, сразу брался за дело. Вот почему я не согласен с тем, что якобы существовал какой-то культ Хрущева. Конечно, отдельные подхалимы всегда найдутся, но Хрущев их не поощрял»²⁸.

Хрущеву, заметим, и не приходилось их поощрять — он просто принимал лесть как должное и, жалуясь на льстецов, не делал ничего, чтобы их остановить. Все разговоры о том, как он не любит чествований и похвал, по-видимому, служили для него лишь средством маскировки, призванным скрыть жажду почестей — не столько от окружающих, сколько от самого себя.

Особняк Хрущева во время войны сгорел дотла, но ему предоставили новую, еще более роскошную резиденцию. До революции этот дом принадлежал богатому фабриканту;

располагался он на улице Осиевской (впоследствии улица Герцена), на безопасном расстоянии от центра города. Особняк представлял собой массивное одноэтажное здание с несколькими крыльями и верандами, с богатой резьбой по каменным стенам. Хрущев переехал туда в начале 1944 года: в апреле, на день его рождения, к нему приезжали родные, но окончательно семья переселилась в Киев только в сентябре. Никита Сергеевич и Нина Петровна жили в одном крыле, мать Никиты Сергеевича — в другом, а остальные члены семьи — в центральном корпусе²⁹.

Просторные земли, окружающие дом, Хрущев превратил в нечто среднее между садом, экспериментальной фермой и зверинцем. Одна их часть представляла собой классический парк с прудами, аллеями, мостиками и статуями. Узкая тропинка вела к живописному озеру: путь к нему охранял мраморный лев. Вместе с детьми по парку бегали козел, две собаки (немецкие овчарки, подаренные Хрущеву в качестве «трофеев» советскими генералами) и ручная лиса, которая ходила за Хрущевым, как собачонка, но досаждала матери Нины Петровны Екатерине Григорьевне — таскала ее кур. В другой части сада Хрущев посадил персиковые деревья, желая посмотреть, приживутся ли они в украинском климате.

В свободное время Хрущев гулял по парку вместе с детьми или катался с ними на лыжах. На одной фотографии мы видим семью перед домом в ясный зимний день: Никита Сергеевич и Нина Петровна обнимают внучку Юлию. На другом снимке — пикник в Межгорье: Хрущев и Рада лежат на траве (причем он — в пиджаке, а рядом лежит светлая фетровая шляпа). А вот Хрущев держит за руку восьмилетнюю Лену: вместе с группой офицеров они осматривают выставку военных трофеев в московском Парке культуры. По выходным на вилле Хрущева собирались коллеги — секретари ЦК, помощники главы правительства, военные. Купались в Днепре (возле виллы запруда образовывала неглубокое озеро), катались на моторках или на надувной спасательной шлюпке, попавшей на Украину во время войны с американского бомбардировщика, которому Сталин разрешил сесть в Полтаве. Зная увлечение Хрущева техникой, военные прислали ему шлюпку вместе с подробными инструкциями. Согласно инструкциям, крохотная на вид лодка должна была выдерживать шестерых: двоих рослых коллег Хрущев посадил на нос и на корму, их жен (с букетами сирени в руках и нервными улыбками на лицах) — на банку, а сам, в форме генерал-лейтенанта и с сияющей улыбкой, сел за весла.

Осенью вся компания часто посещала ближайшие колхозы — «повосхищаться урожаем», объяснял Хрущев. Позже, на роскошных дачных ужинах, он так живо и красочно повествовал о своих впечатлениях, что дети то и дело заливались смехом. Но больше всего Хрущев любил охоту. Иногда он со своими гостями прочесывал лес, надеясь выгнать из укрытия и подстрелить зайца или лису. Когда охотники утомлялись, роль загонщиков переходила к детям и охране. В другие дни Хрущев в одиночку отправлялся поохотиться в заказник на полпути от Киева к Полтаве, изначально предназначенный для ударников труда. Он вставал на рассвете, надевал охотничью куртку с большими карманами, брюки для верховой езды и шапку и садился в моторку вместе с егерем, которому предстояло заряжать и перезаряжать две винтовки. Поначалу, пока лесная живность еще не опасалась охотников, Хрущеву удавалось подстрелить полсотни уток за каких-нибудь полтора часа. Некоторые из них отправлялись на домашнюю кухню, а остальные — в кафе киевского Дома правительства, где обедающим говорили: «Сегодня вас угощает Никита Сергеевич». Хрущев «любил пошутить» с егерями, а ругался «крепко», как настоящий охотник³⁰.

Год, когда закончилась война, был для Хрущева особенно спокойным. Однако даже тогда, если верить некоторым членам семьи, в доме Хрущевых «особого тепла не чувствовалось». Племянница Нины Петровны, Нина Кухарчук, так боялась старших Хрущевых, что не осмеливалась их ни о чем просить. Внучка Юлия подтверждает, что между старшим и младшим поколениями существовала холодность. Жизнерадостный и дружелюбный на людях, дома Хрущев часто бывал не в духе. К тому же он не любил и не умел ни выражать собственные чувства, ни проявлять сочувствие. Когда Вася, племянник Нины Петровны, погиб на войне за несколько дней до победы, Хрущев попытался «утешить» его отца — долго молчал, не зная, что сказать, и наконец брякнул: «Хочешь, подарю тебе ружье?»

Юлия вспоминает, как Нина Петровна наряжала елку на Новый год, собирала в доме гостей, водила детей в театр и в кино, читала им вслух. Однако и она по большей части была строга и сурова. Она настаивала на том, чтобы, помимо занятий в школе, дети учили английский дома, с репетитором. Даже удовольствия в этом доме были строго регламентированы: дети не просто купались в Днепре, а брали уроки плавания, катания на лыжах и на коньках. О смерти Леонида и аресте Любы в доме не упоминалось. Люба была

по-прежнему в тюрьме; где ее сын Толя и что с ним — никто не знал (или делали вид, что не знали). Сын Леонида Юрий и его мать во время войны эвакуировались в Барнаул и после возвращения в Москву в 1943 году не поддерживали связь с Хрущевыми. «Кто были они и кто — мы?» — замечает Юрий. Только летом 1947-го Хрущев восстановил связь с Розой и ее сыном. Много позже, в 1963 году, Хрущев указывал на Юрия и его мать-еврейку, желая опровергнуть обвинение в антисемитизме, выдвинутое американским издателем Норманом Казинсом: «Я — дед еврейского мальчика. Мой сын был женат на еврейке. У них родился ребенок. Потом сына убили на войне. А мать и ребенок вошли в нашу семью. Я вырастил внука, как собственного сына. И после этого вы говорите, что я антисемит?»³¹

Юрий вовсе не рос в семье Хрущевых — лишь иногда бывал у них в доме. Это началось летом 1947 года, Юрий тогда учился в Суворовском училище. Однажды к нему в дверь постучал какой-то офицер — и два дня спустя Юрий уже летел на военном самолете в Киев. На вилле Хрущева его встретила Нина Петровна, познакомила с Радой, Еленой и Юлией, шутливо предложила угадать, кто из девочек приходится ему тетками, а кто — единокровной сестрой. Юрий провел в Межгорье лето, однако «воссоединение семьи» оставило по себе смешанные воспоминания. Внешность и «трудный» характер Юрия слишком напоминали Нине Петровне Леню и Толю. Она «не стеснялась выражать мне свое недовольство, — рассказывает Юрий, — особенно по поводу моего интереса к лошадям и мотоциклам». В первый же день Юрий взял без спроса моторку и отправился кататься по Днепру — охране Хрущева пришлось его разыскивать. Свои единственные военные сапоги он так измочалил, что домой ему пришлось лететь в девичьих домашних тапочках. Неудивительно, что Нина Петровна постоянно твердила ему: «Будь осторожнее!», «Будь серьезнее!», «Думай, что делаешь!» Сам Хрущев однажды, рассердившись за что-то на Юру, крикнул: «Замолчи, Леня!» Эта оговорка помогает понять, как относился Хрущев к своему внуку и почему так и не принял его в семью³².

Делегацию Службы помощи населению при ООН (UNRRA) на Украине возглавлял после войны американец, маршал Мак-Даффи. Ему не удалось познакомиться с Хрущевым так близко, как впоследствии послу США Льюэллину Томпсону — но не потому, что Хрущев не проявлял энтузиазма. Первая его встреча с Мак-Даффи состоялась в современном здании правительства Украины, высоко на

холме, с которого открывался вид на Днепр. Кабинет Хрущева, писал позже Мак-Даффи, оказался необычайно просторен — однако «кроме размера, да еще двойных, обитых кожей дверей, ничего выдающегося в нем не было. Единственное, что привлекло мое внимание, — стопка сложенных в углу листов гипсокартона; как объяснил мне хозяин кабинета, они имели какое-то отношение к материалу для строительства новых домов».

Двойные двери, обитые кожей, как и спартанская обстановка, были типичны для кабинетов советского начальства. Однако самого хозяина кабинета никак нельзя было назвать «типичным начальником»! В беседе Хрущева с американцем участвовал переводчик — «затянутый в новенькую синюю форму, в которой только начали тогда ходить работники украинского Министерства иностранных дел, и явно очень гордый собой». Самого же Хрущева Мак-Даффи описывает так: «курносый», «лопоухий», «веселый добродушный взгляд», смотрит на гостя «с нескрываемым любопытством, как на диковинку». Следующая их встреча произошла на официальном приеме с участием высших должностных лиц Украины; все было очень чинно и церемонно, произносились обычные тосты за мир и дружбу — пока не поднялся с бокалом в руке хозяин торжества. Хрущев указал на своего помощника по сельскому хозяйству, Василия Старченко, который был еще меньше ростом и круглее, чем он сам («У Хрущева фигура круглая, а у Старченко прямоугольная», — замечает Мак-Даффи), и объявил: «Я, должно быть, умом тронулся, когда *его* послал в Соединенные Штаты просить для Украины *продуктов!*»

Перед иностранцами Хрущев старался, что называется, показать себя. Когда один из чиновников Службы помощи населению в разговоре с ним выразил надежду встретиться со Сталиным, Хрущев молча вышел в другую комнату и несколько минут спустя вернулся со словами: «Я только что говорил по телефону с товарищем Сталиным. Он примет вас завтра в два часа»³³. В отличие от других советских руководителей, он не скрывал своего интереса к США. В последний день пребывания миссии Службы помощи населению на Украине Хрущев устроил гостям роскошный обед, а потом повез их к себе в Межгорье. К их удивлению, почти до трех часов ночи он просидел с ними на веранде, засыпая их вопросами об Америке: где они живут, сколько зарабатывают, чем будут заниматься после возвращения в Штаты³⁴.

Милован Джилас, будущий югославский диссидент, а в то время — один из доверенных помощников Тито, весной

1945 года побывал в Киеве вместе со своим начальником. Хрущев произвел на югославов двойственное впечатление: с одной стороны, «неудержимо болтливый», с другой — «простой и естественный в обращении и манере речи»; юмор у него «простонародный, часто довольно грубый», однако, в отличие от Сталина, Хрущев «не любит циничных шуток, призванных подавить и обидеть собеседника»; марксистские идеологические клише в его устах «свидетельствуют о чистосердечном невежестве — он просто повторяет зазубренные фразы, но повторяет их с искренней убежденностью».

Хрущев, писал позднее Джилас, «был единственным из советских лидеров, действительно уделявшим внимание жизни рядовых коммунистов и простых граждан». Его «замечательный здравый смысл» особенно ярко проявлялся на встречах с экономистами: «В отличие от югославских министров, его комиссары хорошо знали свое дело и, что еще более важно, реалистично оценивали свои возможности». Сравнивая Киев с Москвой, Джилас отмечал «более приятную атмосферу» и связывал это не только с красотой города, но и с «практичностью и безграничной энергией» «городского головы».

От проницательного Джиласа не укрылись не только достоинства, но и недостатки Хрущева. «Он постоянно учится, — замечал он, — старается почерпнуть новые знания и навыки во всех областях, с которыми сталкивают его разнообразные обязанности руководителя». Однако «редкие познания сочетаются в нем со столь же редкостным невежеством в самых элементарных вещах». Джиласа поражали не только «замечательная память Хрущева, его живая и энергичная речь», но и его обжорство (если «Сталин производил впечатление гурмана», замечает он, то Хрущев «просто сметал со стола все, что перед ним ставили»); а пил он, на взгляд Джиласа, «даже больше» Сталина.

У Джиласа сложилось впечатление, будто Хрущев «менее других коммунистов-недоучек и самоучек страдает от чувства собственной неполноценности» и не чувствует необходимости «скрывать невежество и другие личные слабости за блестящим фасадом общих слов и пустых разглагольствований». Однако укрыться за «блестящим фасадом» Хрущев, пожалуй, не смог бы при всем желании. Он избрал другую тактику — не прятал недостатки, а старался уравновесить и обезвредить их неиссякаемой энергией, обаянием, а также заявлениями о своих особых отношениях со Сталиным. «Всякий раз, заговаривая о Сталине, — пишет Джилас, — он старался подчеркнуть свою близость к нему»³⁵.

Организация украинских националистов (ОУН), образованная в 1929 году, после аннексии Западной Украины в 1939-м получила немало новых сторонников. Поначалу Хрущев попытался договориться с националистами миром, но скоро эта проблема поступила в ведение НКВД, который стал разбираться с противниками свойственными ему методами — арестами, депортацией, отправкой в лагеря. Неудивительно, что многие западные украинцы восприняли нацистов как освободителей. 30 июня 1941 года фракция ОУН, руководимая Степаном Бандерой, провозгласила во Львове Украинскую независимую республику (впрочем, просуществовавшую очень недолго) и подняла вооруженное восстание против отступающей Красной Армии.

Немцы, как вскоре выяснилось, симпатизировали украинскому национализму не более советской власти. Многие украинские националисты напоминали европейских правых националистов-антисемитов, которых Гитлер поддерживал. В глазах нацистов украинцы были такими же недочеловеками, разве что чуть получше евреев. Некоторые украинцы помогали нацистам в истреблении евреев, однако многие другие сражались с ними — если не в Советской Армии, то в УПА (Украинской повстанческой армии), которая, слившись с другими партизанскими отрядами, в 1944 году насчитывала уже 150—200 тысяч человек³⁶. Когда в том же году на Западную Украину с победой вернулась Советская Армия, большинство солдат УПА подняли оружие против нее.

Беспокоили Хрущева и еще две проблемы. Первой была Украинская греко-католическая (униатская) церковь, изначальная носительница идеи независимости Украины, перед войной насчитывавшая до трех миллионов прихожан³⁷. В 1939—1941 годах коммунисты пытались снизить ее влияние (с помощью дискриминационных налогов, антирелигиозной пропаганды, а также собирания или фабрикация компромата на церковных иерархов), однако, учитывая сложное международное положение и популярность церкви среди народа, Хрущев действовал осторожно. Были у него основания для осторожности и в 1944-м. Страны Запада признали право СССР на территорию Западной Украины — и задача борьбы с Греко-католической церковью встала перед ним в полный рост³⁸.

Второй проблемой Хрущева была коллективизация сельского хозяйства Западной Украины. Перед войной были коллективизированы только 13 % крестьянских хозяйств и 15 % пахотной земли. Настало время закончить дело, тем более что перевод крестьянства на колхозные рельсы затруд-

нил бы снабжение продуктами партизан-националистов. Коллективизация вызывала неприятие у крестьян, которые сопротивлялись ей, порой — с помощью партизан и с оружием в руках³⁹.

Говоря в целом, ситуация на Украине была тяжелейшей. Однако об этом едва ли следовало докладывать Сталину — не говоря уже о том, что сам Хрущев, по-видимому, не в полной мере понимал, с чем столкнулся. В январе 1944 года, объехав несколько освобожденных областей, он доложил Сталину, что настроение народа «очень хорошее, советское» и что он не обнаружил «никаких признаков больших [националистических] формирований». Три месяца спустя он писал Сталину, что «разговоры о действиях украинско-германских националистических банд сильно преувеличены» и что, хотя руководители ОУН используют тактику запугивания, «у нас теперь есть все возможности для разгрома бандеровско-бульбовских банд». К ноябрю 1944 года настроение у повстанцев было, если верить Хрущеву, «подавленное» и многие из партизанских отрядов находились «на грани исчезновения». В январе 1945 года Политбюро ЦК КП(б)У приняло решение «использовать зимние месяцы для завершения [их] разгрома и ликвидации». В феврале была назначена и дата «полной ликвидации» националистических банд: 15 марта 1945 года⁴⁰.

В действительности украинские партизаны не были побеждены до начала 1950-х годов⁴¹. К приходу Советской Армии едва ли не в каждом крестьянском доме был оборудован схрон с оружием, боеприпасами, запасом еды и одежды: в 1945—1946 годах советские Вооруженные силы доложили об обнаружении 28 тысяч 969 таких тайных складов. В 1944—1945-м националисты перешли от открытых позиционных боев к тактике партизанской войны и, благодаря этому, заняли довольно устойчивую позицию. В феврале 1947 года «остатки» партизанских сил составляли около 70 тысяч человек, не считая еще 63 тысяч ополченцев, организованных в особые части⁴².

Борьба велась жестоко с обеих сторон. По советским данным, подпольщики-националисты совершили 14 тысяч 500 вредительских и террористических актов, уничтожили более 30 тысяч советских должностных лиц и местных жителей⁴³. Инструкции ОУН приказывали «ликвидировать двойных агентов (а также членов их семей, как взрослых, так и детей) всеми доступными методами — расстрел, повешение, четвертование с запиской на груди: “За сотрудничество с НКВД”». В одном только 1944-м зафиксировано множество

случаев, когда бандиты снимали с убитых одежду, перебивали им руки и ноги, уродовали лица, выкалывали глаза, кастрировали и обезглавливали⁴⁴.

В период с февраля 1944-го по май 1946-го Советская Армия и НКВД уничтожили 110 тысяч 825 партизан и еще 250 тысяч 676 арестовали. Всего с 1944 по 1952 год на Западной Украине было арестовано не менее 600 тысяч человек, треть из них расстреляна, остальные две трети отправлены в лагеря или ссылку⁴⁵. Существовали и законспирированные «спецгруппы», выдающие себя за националистов. В одном случае группа фальшивых «националистов» спровоцировала крестьянскую семью на выражение националистических симпатий, а затем арестовала за «сотрудничество с бандитами». Известны случаи, когда спецгруппы совершали жестокие преступления, выдавая их за работу националистов и стремясь тем самым отвратить от партизан местное население⁴⁶.

Не доверяя западноукраинцам, советская власть присылала на партийные и силовые должности в Западном крае коммунистов из других районов страны. Положение этих людей было нелегким: с одной стороны, правительство давило на них, требуя «успехов», с другой — их жизни угрожали партизаны. Многие из них фальсифицировали работу по ловле «шпионов» и уничтожению «бандитов», искали успокоения в алкоголе, переживали нервные срывы⁴⁷. От Хрущева, в сущности, требовалось только надзирать за работой органов безопасности; однако благодаря своему стилю руководства он скоро начал принимать в борьбе с националистами активное и порой жестокое участие. В письме Сталину от 1944 года он предлагает, чтобы партизан после публичных судов «приговаривали к смерти» трибуналы НКВД, «причем не расстреливали, а вешали». Он предлагает также создавать из руководителей областей «тройки» с правом выносить смертные приговоры и «приводить их в исполнение немедленно»⁴⁸.

Нерешительных местных руководителей Хрущев желчно высмеивал и требовал от них крови. Такие осторожные «сами пугаются и людей неправильно ориентируют. Тут прямо у лысых дыбом волосы станут». Другие, замечал он в ноябре 1944 года, вовсе не стремятся уничтожить всех мятежников: ведь, если их не станет, не на кого будет сваливать плоды собственных промахов⁴⁹. «Найдите членов семей тех, кто им [мятежникам] помогает, и арестуйте их, — требовал он от своих людей в 1945-м. — Нас не станут уважать, если мы не будем принимать суровые меры. Арестовывать надо всех, даже самую мелочь. Одних будем судить, других просто ве-

шать, третьих — высылать. За каждого нашего — сто врагов... Слишком уж вы боитесь применять силу! Захватили деревню, где убили двух женщин, — уничтожьте всю деревню!»⁵⁰ Пять месяцев спустя он спрашивал: «Почему вы не перестреляли этих бандитов?.. Вы ничего не сделали... Пока вы разбираетесь, кто бандит, а кто нет, они готовятся напасть... Говорите, они угнали девяносто коров: сколько проходит стадо коров — три километра в день? И вы его еще не нашли? Даже с самолета? Да будь на вашем месте мужики с дубинами, они бы лучше справились... Я сам могу пройти шестьдесят километров в день»⁵¹.

В 1946 году многие города и деревни Западной Украины были блокированы отрядами Вооруженных сил и госбезопасности, а также приданными им в поддержку «подразделениями ликвидации» численностью до 300⁵². Поначалу Хрущев использовал Униатскую церковь, чтобы побудить боевиков принять серию предложений об амнистии. Однако, когда выяснилось, что церковь не может или не хочет ему помочь, он начал арестовывать ее предстоятелей (митрополит Иосиф Слипый провел в лагерях и ссылке в общей сложности 18 лет), а затем организовал «добровольный» самороспуск Церкви и «воссоединение» ее в марте 1946 года с Русской православной церковью, признанной государством⁵³. Греко-католический архиепископ Гавриил Костельник, поначалу поддержавший эту акцию, утратил иллюзии, когда репрессии против священнослужителей продолжились. В 1948 году он был убит; убийцу тут же застрелили из проезжавшего мимо автомобиля.

Участие в этом преступлении органов советской власти не доказано⁵⁴. Однако неоспоримо доказано участие Хрущева в другом, аналогичном преступлении — убийстве в октябре 1947 года епископа Феодора Ромжи, осуждавшего карательные акции НКВД в Закарпатье. Ромжа возвращался из деревни, где освятил новую церковь, когда дорогу его повозке преградил милицейский грузовик, по пятам за которым следовал автомобиль. Выскочившие из автомобиля люди набросились на Ромжу с железными прутьями. Случайное появление почтовой машины спугнуло убийц; Ромжу отвезли в больницу, прооперировали, но затем довели дело до конца, впрыснув ему смертельный яд (свидетельницей этого преступления стала работавшая в больнице униатская монахиня)⁵⁵. Хрущев просил у Сталина разрешения на убийство, а затем, когда первая попытка провалилась, обратился за помощью. Глава МГБ Украины Савченко и эксперт по токсикологии Майрановский побывали на приеме у Хрущева, ко-

торый дал им недвусмысленные указания и пожелал удачи. Два дня спустя, получив от Хрущева последнее подтверждение, Майрановский передал «медсестре», состоявшей на службе в том же ведомстве, ампулу яда кураре, который она и ввела больному⁵⁶.

Хрущев, разумеется, об этом не распространялся. В сущности, в своих мемуарах он почти не говорит о той роли, которую сыграл в послевоенных беспорядках на Западной Украине⁵⁷. Если он и чувствовал свою вину — то не за то, что сокрушил националистическое движение. Он не мог представить себе ни СССР без Украины, ни Украину без западных регионов. Кроме того, партизаны-националисты действительно пользовались поддержкой сначала немцев, а затем западных спецслужб⁵⁸. В довершение ко всему, они замучили дядю Нины Петровны Антона и его дочь, а также убили близкого друга Хрущева генерала Ватутина⁵⁹. Вот почему Хрущев испытывал вину не за то, что вел борьбу с повстанцами жестоко и безжалостно, а лишь за то, что не смог справиться с ними немедленно.

В сентябре 1944 года ЦК партии упрекнул киевских коммунистов в «крупных и серьезных недостатках» в работе по восстановлению порядка и пропаганде социалистического образа жизни среди населения Западной Украины⁶⁰. В 1949-м Судоплатов, прибывший во Львов для расследования убийства украинского писателя Ярослава Галана, нападавшего на Ватикан и Греко-католическую церковь за сотрудничество с Гитлером, нашел Хрущева «в дурном настроении; он страшился, что Сталин разгневется на его неспособность организовать сопротивление вооруженным украинским националистам»⁶¹. Твердо решив покончить с партизанами, Хрущев был готов идти ради этого на любые меры.

Но не только национализм в Западной Украине омрачал настроение Хрущева в 1946 году. В первые послевоенные годы СССР столкнулся с немалым числом политических и экономических проблем как внутри страны, так и за рубежом. Летом 1945 года Сталин надеялся подчинить себе всю Восточную Европу, распространить свое влияние на Западную, а также на Ближний Восток и Азию — и при этом сохранить хорошие отношения с Западом⁶². Однако к 1946 году возросла напряженность между Западом и Востоком; а план Маршалла, принятый в 1947 году, преградил путь влиянию СССР на Западную Европу. Началась холодная война; теперь Советскому Союзу предстояло полагаться только на

собственные ресурсы. Но хватит ли их? В провинциях неоставало продуктов, в Прибалтике и на Западной Украине продолжались вооруженные выступления. Многие советские граждане надеялись на ослабление государственного контроля и были вовсе не готовы к новым жертвам⁶³.

В ответ Сталин начал новую репрессивную кампанию, оставившую у интеллигенции особенно недобрую память. Так называемая «ждановщина» (по имени Андрея Жданова, формально открывшего кампанию), начавшись с очернения двух писателей — Анны Ахматовой и Михаила Зощенко, — скоро перекинулась сперва на театр, музыку, историю и философию, а затем на биологию и филологию⁶⁴. Тем временем Сталин заметно дряхлел — и физически, и умственно. Жуков, увидев его в мае 1945 года, был поражен. «Во всем его облике, в движениях и разговоре чувствовалась большая физическая усталость. За четырехлетний период войны И. В. Сталин основательно переутомился. Работал он всю войну очень напряженно, систематически недосыпал... Все это не могло не отразиться на его нервной системе и здоровье»⁶⁵.

Осенью 1945 года шестидесятипятилетний Сталин взял длительный отпуск, который провел на Черном море. По словам его дочери, «он плохо себя чувствовал и проболел несколько месяцев». Летом 1946-го он отправился на юг на машине, останавливаясь в городах, чтобы «своими глазами увидеть, как живут люди. Он увидел, какие разрушения принесла стране война». В августе 1947-го, гостя у отца в Сочи, Светлана заметила, что он «постарел еще сильнее». «Хотел мира и покоя. Точнее, сам не знал, чего хочет». Вечерами он смотрел довоенные музыкальные комедии, затем ужинал и пил до поздней ночи⁶⁶.

Милован Джилас, проведенный вечер на даче у Сталина в начале 1948-го, был поражен «явными признаками дряхлости». Хотя Сталин всегда любил поесть, «теперь его обжорство сделалось просто болезненным, как будто он боялся, что еды не хватит... Просто непостижимо, как он переменялся за какие-то два-три года». Джиласу запомнился «живой, остроумный» человек с «тонким чувством юмора» — теперь же Сталин «смеялся над плоскими и глупыми шутками»; например, «разразился громким, неудержимым смехом», услышав грамзапись, на которой пронзительному голосу певицы «аккомпанировал» вой и лай собак.

Сталин был «по-прежнему упрям, резок и подозрителен ко всем, кто с ним не соглашался», добавляет Джилас, так что его коллеги «старались не выражать свое мнение, пока он не выскажет свое, и тогда дружно с ним соглашались»⁶⁷.

Он сделался еще придирчивее, стал еще более склонен к поиску виноватых, когда что-то шло не так.

К несчастью для Хрущева, дела на Украине шли далеко не лучшим образом. В 1946 году он признал, что «подготовка, отбор и назначение руководящих кадров в ЦК и областные парткомитеты проводятся неудовлетворительно...»⁶⁸. Но этого оказалось недостаточно. Украинские коммунисты получили выговор за «недооценку идеологической работы», за то, что позволяли выпуск книг, журналов и газет, содержащих «идеологические ошибки, искажения и попытки возродить буржуазно-националистические концепции»⁶⁹.

Настроение интеллигенции оставляло желать лучшего: вездесущие информаторы докладывали, что люди жалуются не только друг на друга, но и на самого Сталина⁷⁰. Во время войны Хрущев, желая привлечь интеллигенцию, взывал к националистическим чувствам украинцев. С началом «ждановщины» он начал нападать на все, что имело в себе хоть какой-то отзвук национализма — в том числе на тех писателей и те книги, которые сам же раньше поддерживал. Летом 1946 года украинский ЦК раскритиковал Союз писателей Украины и его председателя Максима Рыльского за терпимость к «тенденциям, чуждым советской литературе». Несколько дней спустя критике подвергся уже сам Рыльский — он, видите ли, «думает, что ему позволено совершать идеологические ошибки»⁷¹. Позже Хрущев писал: «Мне с большим трудом удалось оградить от разносной критики такого заслуженного писателя, каким является Максим Рыльский...»⁷² Единственный способ защитить друга, а вместе с ним и себя он увидел в том, чтобы напасть на него самому⁷³.

Тем временем экономические условия на Украине все ухудшались. Осень 1945 года выдалась слишком сухой, зима — чересчур суровой. Весна тоже прошла почти без дождей, и в регионе началась засуха. Хрущев вспоминал, что «неурожай был вызван тяжелыми климатическими условиями, а кроме того, слабой механизацией сельского хозяйства, подорванного отсутствием тракторов, волов, лошадей. Недоставало рабочей тягловой силы. Организация работ тоже была плохой: люди вернулись из армии, взялись за работу, но еще не притерся каждый как следует к своему месту, да и квалификация у одних была потеряна, а другие ее совсем не имели»⁷⁴.

Все это верно — Хрущев не упоминает лишь о грабительской системе государственных налогов, вынуждавшей колхозы сдавать все зерно подчистую⁷⁵. Урожай в 1946 году ожидался хуже, чем в 1944-м и 1945-м, — однако, вместо то-

го чтобы снизить налогообложение, правительство его повысило — одной из причин было желание поддержать продовольствием коммунистических союзников в Восточной Европе⁷⁶. «Мы стремились в первую очередь заботиться о государстве и только во вторую — о себе», — писал позже Хрущев. План на Украине был установлен «волевым методом, хотя в органах печати и в официальных документах он «обосновывался» научными данными... При этом исходили главным образом не из того, что будет выращено, а из того, сколько можно получить в принципе, выколотить у народа в закрома государства. И вот началось это выколачивание. Я видел, что год грозит катастрофой. Чем все закончится, трудно было предугадать»⁷⁷.

Налоги в самом деле были непомерными, но ответственность за их завышенные цифры лежала прежде всего на самом Хрущеве⁷⁸. Как и в случаях с Киевом и Харьковом во время войны, он дал Сталину повод для необоснованных надежд — и слишком поздно, сообразив, что делает, попытался спасти ситуацию. По словам домоправительницы Сталина, «некоторые партийные руководители, которые потом поднялись очень высоко, приезжали к нему с юга (летом 1946 года. — У. Т.) и докладывали о состоянии сельского хозяйства на Украине. Привозили с собой такие огромные дыни, что в руках не удержишь. И овощи, и фрукты, и пшеницу — все, чтобы показать, как богата Украина. А тем временем шофер одного из руководителей — Никиты Хрущева — рассказывал обслуге, что на Украине голод, что в деревнях нечего есть, что крестьянки пахнут на коровах»⁷⁹.

Тем тяжелее вина Хрущева, что из писем крестьян он прекрасно знал, как обстоит дело в действительности. «Вот, товарищ Хрущев, — писал ему председатель одного из колхозов, — выполнили мы свой план хлебозаготовок полностью, сдали все, и теперь у нас ничего не осталось. Мы уверены, что держава и партия нас не забудут, что они придут к нам на помощь». «Автор письма, следовательно, считал, — замечает Хрущев, — что от меня зависит судьба крестьян. Ведь я был тогда председателем Совета народных комиссаров Украины и первым секретарем ЦК КП(б)У, и он полагал, что раз я возглавляю украинскую державу, то не забуду и крестьян». Однако, как бы Хрущев ни хотел помочь, «когда хлеб сдается на государственный приемный пункт, я не властен распоряжаться им, а сам вынужден умолять оставить нам какое-то количество зерна, в котором мы нуждались»⁸⁰.

Даже при этом горестном воспоминании Хрущев не забывает полностью повторить все свои титулы. Хотя време-

нами он и вправду защищал народ от собственного правительствa. Приехав в свою бывшую «вотчину», Петрово-Марьино, он с изумлением и ужасом узнал, что государство отобрало у местных колхозов все зерно, а теперь требует еще и посевной материал. «Мы ж не цыгане какие! — по словам местного партсекретаря, воскликнул Хрущев, когда об этом услышал. — Нам же надо сеять!»⁸¹

«Пошел голод. Стали поступать сигналы, что люди умирают, — писал он позже. — Кое-где началось людоедство. Мне доложили, например, что нашли человеческие голову и ступни под мостом у Василькова (городка под Киевом). То есть труп пошел в пищу».

Алексей Кириченко, первый секретарь Одесского горкома, проверявший условия жизни и быта крестьян, описывал Хрущеву следующую сцену: «Видал, как женщина на столе разрезала труп своего ребенка, не то мальчика, не то девочки, и приговаривала: “Вот уже Манечку съели, а теперь Ванечку засолим. Этого хватит на какое-то время”. Эта женщина помешалась от голода и зарезала своих детей». «Рассказывая эту историю, — добавляет Хрущев, — я вновь переношусь мыслями в то время. Прямо вижу эту ужасную сцену. Но что я мог сделать?»

Зрелище новых и «ненужных» страданий народа (к «необходимым» страданиям он давно притерпелся) заставило Хрущева решиться на рискованный шаг. Если верить его мемуарам, в конце концов он открыл Сталину неприукрашенную правду: «В прошлом мне иногда удавалось прорываться через бюрократические рогатки... Иногда, если мне удавалось хорошо подобрать факты и связать их стройным логическим изложением, факты говорили сами за себя и Сталин становился на мою сторону»⁸². Но в этот раз было иначе. Рассказав Сталину по телефону о голоде, «повесил телефонную трубку, думал — все. Сталин ничего мне не сказал, я слышал только его тяжелое дыхание». В другой раз Сталин жестоко распек своего подчиненного: «“Мягкотелость! Вас обманывают, нарочно докладывают о таком, чтобы разжалобить и заставить израсходовать резервы”. Он считал, будто я поддаюсь местному украинскому влиянию, что на меня оказывают такое давление и я стал чуть ли не националистом, не заслуживающим доверия»⁸³.

Архивные документы подтверждают рассказ Хрущева. В письме Сталину от 15 октября 1946 года он просит снизить цифры поставок зерновых. Около 1 декабря пишет, что «ситуация крайне напряженная», а 17 декабря просто умоляет о помощи⁸⁴. Однако в то же время Хрущев затеял интригу,

снижавшую риск. Он предложил ввести распределение по карточкам, которое обеспечит крестьянам необходимый минимум питания, — но заговорил об этом не со Сталиным. «Маленков и Берия могли тогда решать вопросы от имени Сталина, — пишет он, — многие документы, которых он и в глаза не видел, выходили за его подписью». Предложение Хрущева он тоже, скорее всего, читать не стал бы — однако «они послали наш документ к Сталину прямо в Сочи».

Неизвестно, стараниями ли Маленкова и Берии или без их участия, но смелость Хрущева навлекла на него неприятности. «Сталин прислал мне грубейшую, оскорбительную телеграмму, где говорилось, что я сомнительный человек, пишу записки, в которых доказываю, что Украина не может выполнить госзаготовок, и прошу огромное количество карточек для прокормления людей. Эта телеграмма на меня подействовала убийственно. Я понимал трагедию, которая нависала не только лично над моей персоной, но и над украинским народом, над республикой: голод стал неизбежным и вскоре начался».

И Хрущев снова бросился в Москву. «Я был ко всему готов, — вспоминает он, — даже к тому, чтобы попасть в графу врагов народа. Тогда это делалось за один миг — только глазом успел моргнуть, как уже растворилась дверь и ты очутился на Лубянке»⁸⁵. Идею карточек Сталин отверг, однако, смягчившись, предложил Украине некоторую помощь — продукты, семена и деньги для организации бесплатных столовых⁸⁶. Недовольство диктатора своими помощниками по сельскому хозяйству заставило его собрать в феврале 1947 года пленум ЦК — мероприятие, при Сталине проходившее нечасто.

«Кому сделать доклад? — спрашивал, по воспоминаниям Хрущева, Сталин. — Маленкову? Он занимается этим делом. Какой же он сделает доклад, если даже терминов сельского хозяйства не знает?»⁸⁷ Следующим кандидатом стал Хрущев; однако он, по его собственным словам, испугался такого поручения. «Я мог бы сделать доклад об Украине, которую знаю, — говорил он Сталину. — Но я же не знаю Российской Федерации. О Сибири вообще понятия не имею, никогда там не был и не занимался этим делом... А Средняя Азия? Да я никогда не видел, как хлопок растет».

Сталин настаивал — но на этот раз проявил упорство и Хрущев: «Нет, товарищ Сталин, очень прошу вас, освободите меня. Я не хочу ни подводить ЦК, ни ставить себя в глупое положение, взявшись делать доклад на тему, которой я, собственно, не знаю».

Хрущев пользовался давно отработанным приемом — из «скромности» принижал себя и свои способности. Пусть он никогда не был в Средней Азии; трудно сомневаться, что при составлении доклада у него нашлись бы помощники, которые там бывали. Дело в другом: приглашение сделать доклад было ловушкой. В докладе о сельском хозяйстве Хрущев должен был либо открыто (и с понятными последствиями) заговорить о своих разногласиях со Сталиным, либо похоронить их раз и навсегда.

К счастью для Хрущева, Сталин в конце концов согласился поручить доклад кому-нибудь другому. Но когда он спросил Хрущева, что тот думает об Андрее Андрееве, Хрущев не удержался от критики в адрес своего товарища. «Вот вы отказались докладывать, — заметил по этому поводу Сталин, — а теперь критикуете».

Хрущев критиковал Андреева, чтобы защитить себя, — он знал, что Андреев не одобряет его руководство украинским сельским хозяйством. Но, возможно, к этому времени он начал уставать от самоуничужения. В разговоре он напирал на два пункта: необходимость перед сдачей зерна государству отложить нужный процент на семена и учесть риски сева яровой пшеницы согласно государственным квотам.

Его смелость возымела неожиданные последствия. «Вдруг, — рассказывает Хрущев, — Сталин сам поднял вопрос о том, что Украине надо оказать помощь»⁸⁸.

В марте 1947 года ЦК компартии Украины постановил «усилить партийную и государственную работу», разделив посты руководителей партии и правительства, которые до сих пор совмещал Хрущев. Первым секретарем ЦК был избран Каганович, а Хрущев остался лишь первым секретарем Киевского горкома и обкома.

Речь Хрущева на заседании ЦК прозвучала неожиданно скромно. Вместо обычных шуток, пословиц и едкой критики в адрес товарищей он вдруг занялся «самокритикой», признал «серьезные ошибки в партийном и правительственном руководстве сельским хозяйством, ошибки, слишком хорошо заметные на Украине»⁸⁹. До сих пор имя Хрущева постоянно мелькало в украинской прессе: с мая 1947 года его становится не видно и не слышно. Многие из жертв Сталина прошли этим путем: отставка — замалчивание — арест — расстрел.

Позже Хрущев рассказывал, что был тяжело болен. И это правда: простыв, он подхватил воспаление легких. Рада Ад-

жубей вспоминает, что «отец был на грани смерти: если бы не Каганович, он бы не выжил». Каганович привез из Москвы врача, который начал лечить Хрущева пенициллином — что требовало немалой гражданской смелости, поскольку Сталин не одобрял западных антибиотиков⁹⁰. Однако и пенициллин не принес немедленного облегчения. Сын Хрущева рассказывает, как двое профессоров «скорбно качали головами», выходя из спальни больного. Сергей вспоминал «безжизненное серое лицо отца, хриплое дыхание, бессмысленный взгляд»⁹¹.

Но болезнь отступила, и доктора рекомендовали Хрущеву отдых на море. Поначалу он просто сидел, завернувшись в пальто, на латвийском берегу, пока дети храбро плескались в холодной воде, — но скоро уже начал охотиться на уток на близлежащих озерах. В середине августа он слетал в Калининград посмотреть на новую шерстяную ткань, разработанную немецкими учеными, а в первых числах сентября вернулся в Киев.

Это был первый «отпуск» Хрущева с предвоенных лет. Удивительно, как он не надорвался задолго до сорок седьмого. Возможно, простуда стала последней каплей, сломившей оборону измученного организма. Неудивительно, что переутомленный Хрущев не пытался бороться за власть. Когда Сталин спросил, не нужна ли ему «помощь», вспоминает Хрущев, — он искренне обрадовался. Прибыл Каганович, «все разошлись по своим местам и занялись своим делом»⁹². Рада «тоже не заметила в семье никаких перемен. Все мы прекрасно знали Кагановичей... Приехав в Киев, они заняли дачу номер один; наша дача, номер два, была как раз напротив. Мы дружили с их детьми, часто вместе ходили в кино. Кагановичи бывали у нас в гостях, а мы — у них. Они с Никитой Сергеевичем часто гуляли вместе, вместе ездили на работу. Так что, по крайней мере на уровне семьи, смещение отца не выглядело трагичным»⁹³.

Если Хрущев и чувствовал себя униженным — ему хватило гордости этого не показывать. К тому же опасность еще не миновала — особенно когда Каганович начал кампанию против «буржуазного национализма». Он не просто клеймил националистических «уклонистов» (намекая, что Хрущев к этой задаче подходил недостаточно ответственно), но и нападал на людей, связанных с Хрущевым. «Сам еврей, против евреев? — удивлялся Хрущев. — Или, может быть, это было направлено только целевым образом против тех евреев, которые находились со мной в дружеских отношениях?»⁹⁴ Кроме этого, Каганович критиковал Рыльского и Довженко⁹⁵.

Кризис в промышленности и сельском хозяйстве Каганович объяснял происками «украинского буржуазного национализма». К пленуму ЦК, намеченному на зиму 1947/48 года, он начал готовить выступление под названием «Борьба с национализмом как главной опасностью, угрожающей Коммунистической партии Украины»⁹⁶. На горизонте собирались грозовые тучи — а Хрущев все еще зализывал старые раны: съездил вместе с Радой в Петрово-Марьинский район, по словам секретаря местного райкома Захара Глухова, явно с целью показать, как уважали его эти простые люди⁹⁷. Однако вскоре, собравшись с силами и вернув себе былую форму, Хрущев начал борьбу со своим бывшим наставником. Каганович, писал он позднее, «обвинял в политических ошибках всех, кого видел вокруг себя», и многие из его обвинений «направлялись напрямиком к Сталину».

«В конце концов до того дошло, — вспоминает Хрущев, — что Сталин мне позвонил: “Почему Каганович шлет мне записки, а вы эти записки не подписываете?”

— Товарищ Сталин, Каганович — секретарь республиканского ЦК, и он пишет вам как генеральному секретарю ЦК. Поэтому моя подпись не требуется».

В нарочито скромном ответе Хрущева содержался явный намек — сместив его с руководящего партийного поста, власть совершила ошибку, которую нужно исправить. Именно так и понял его Сталин.

«— Это неправильно, — сказал он. — Я ему сказал, что ни одной записки без вашей подписи мы впредь не будем принимать».

Дни Кагановича в Киеве были сочтены. «Не старайтесь поссорить меня с народом Украины», — предупредил его Сталин в декабре 1947 года⁹⁸. Снова предоставим слово Хрущеву: «Однако мне почти не пришлось подписывать записки, потому что их поток иссяк: Каганович знал, что его записки никак не могли быть подписаны мною... Для меня лично главное заключалось в том, что Сталин как бы возвращал мне свое доверие. Его звонок был для меня соответствующим сигналом. Это улучшало мое моральное состояние...»⁹⁹

Еще больше он обрадовался, когда Кагановича отозвали в Москву, а затем, 26 декабря, было принято решение о восстановлении Хрущева в должности первого секретаря ЦК КП(б)У (главой правительства стал его верный подпевала Коротченко). После неудачного заговора «антипартийной группы» в 1957-м, в котором участвовал и Каганович, Никита Сергеевич и его последователи описывали поведение

Кагановича в Киеве в 1947 году как чудовищное¹⁰⁰. Однако сам Хрущев в то время был не меньшим сталинистом. Кроме того, ему было за что благодарить Кагановича: тот не только помог ему во время болезни, но и допустил промахи, на фоне которых деятельность Хрущева смотрелась сравнительно выгодно. В любом случае Каганович не смог бы долго руководить Украиной — хотя бы из-за своей национальности. Кратковременное появление на Украине Кагановича свидетельствует о том, что, как ни был Сталин сердит на Хрущева, он понимал его затруднения и старался ему помочь.

Последние два года Хрущева на Украине протекли спокойно и почти мирно. Правда, на западе порой вспыхивали очаги сопротивления; однако урожаи 1947 и 1948 годов оказались выше, чем ожидали. К середине 1949-го коллективизацией были охвачены уже 60 % крестьян. Стремясь «стереть грань между городом и деревней», Хрущев настаивал на слиянии колхозов и превращении их в «агрогорода» с муниципальными службами и всеми бытовыми удобствами. Со своей обычной торопливостью он уже заявлял, что «в самом ближайшем будущем наши деревни преобразятся». В действительности до отъезда из Киева Хрущев успел создать лишь один демонстрационный агрогород в Черкасской области, каковой и «преподнес» Сталину к его семидесятилетию¹⁰¹.

В речах Хрущева снова появилась живость, исчезнувшая было в 1947 году. В январе 1949-го на XVI съезде компартии Украины его встретили продолжительной овацией и криками: «Слава товарищу Хрущеву!» Письма Хрущева Сталину 1948—1949 годов касаются в основном маловажных дел — например, вопроса о том, следует ли Украине принять делегацию польского крестьянства из нескольких сот человек¹⁰². В 1948 году по случаю тридцатилетней годовщины УССР Хрущев и другие высшие руководители Украины были награждены орденами Ленина. В 1949 году, во время празднования десятилетия присоединения Западной Украины, первые полосы газет украсили тройные портреты Ленина, Сталина и Хрущева. Характерно, что Хрущев находился на переднем плане: сам того не зная, художник предсказал его будущий успех.

Летом 1949 года семья Хрущева отдыхала в бывшем царском дворце в Ливадии, поблизости от Ялты, где четыре года назад проходила встреча Сталина с лидерами западных

держав. Хрущевы жили в большом флигеле; другой флигель занимала дочь Сталина Светлана со своим вторым мужем Юрием Ждановым. По словам Алексея Аджубея, семьи почти не общались. Высокопоставленные руководители и члены их семей отдыхали за высокими заборами, под неусыпным надзором охранников с собаками, в уединении и мертвой скуке. Даже о поездке в Ялту — например в ресторан или на концерт — думать не приходилось¹⁰³.

Однако это приглашение не могло не радовать Хрущева, ибо было знаком сталинского благоволения. Неудивительно, что об этом периоде у него сохранились самые светлые воспоминания: «1949-й — последний год моего пребывания на Украине... Оглядываясь назад, скажу, что украинский народ относился ко мне хорошо. Я тепло вспоминаю проведенные там годы. Это был очень ответственный период, но приятный потому, что принес удовлетворение: быстро развивались, росли и сельское хозяйство, и промышленность республики. Сталин мне не раз поручал делать доклады по Украине, особенно по вопросам прогресса животноводства, а потом отдавал эти доклады публиковать в газете “Правда”, чтобы и другие, по его словам, делали то же, что мы делали на Украине. Впрочем, я далек от того, чтобы переоценить значение моей собственной персоны... Напряженно трудилась вся республика»¹⁰⁴.

Для Хрущева все было безоблачно — но об украинцах того же не скажешь. В феврале 1948 года Верховный Совет УССР принял указ «О выселении из Украинской ССР лиц, злонамеренно саботирующих трудовую деятельность в сельском хозяйстве и ведущих антисоциальный паразитический образ жизни». Указ позволял колхозному руководству выселять из деревень тех, кто трудился недостаточно усердно. Этот указ предложил сам Хрущев — в пространном письме к Сталину, в котором он, обосновывая свое предложение, ссылаясь, в частности, на дореволюционные порядки. Несложно было предсказать, что проведение закона в жизнь приведет к тому, что даже сами власти сочли «перегибами»: среди изгнанных оказывались старики, больные, инвалиды войны, в наказание за одного «тунеядца» выселялись целые семьи; иной раз, желая продемонстрировать усердие и бдительность, местные власти выселяли людей вообще без всякой вины. Хрущев написал Сталину новое длинное письмо, в котором жаловался на перегибы; однако тут же, желая повеселить «хозяина», красочно описывал ему колхозное собрание, на котором крестьяне честили друг друга «такими словами, от которых покраснел бы и турецкий султан». Хру-

шев даже рекомендовал принять аналогичные постановления и в других советских республиках, обещая, что «повсеместное применение этого указа укрепит трудовую дисциплину, что, в свою очередь, гарантирует своевременное решение сельскохозяйственных задач, повышение урожайности, рост производительности животноводческих ферм и общее ускорение развития колхозов»¹⁰⁵.

В период с февраля 1948-го по июнь 1950 года с Украины были выселены 11 тысяч 991 «тунеядец»¹⁰⁶. Были в сталинской внутренней политике на Украине 1948—1949 годов и другие издержки, которые уже никак нельзя отнести целиком на счет Хрущева. Среди них необходимо назвать борьбу с «буржуазным национализмом», кампанию против «космополитов», главными мишенями в которой стали евреи и прозападная интеллигенция, и поддержку Лысенко, приведшую к погрому генетиков и прочих «еретиков от науки»¹⁰⁷. Все эти начинания Хрущев активно поддерживал — чем и обеспечил себе восхождение на следующую ступень карьерного олимпа: был переведен в Москву и вошел в «ближний круг» приспешников Сталина.